

НАТАЛЬЯ
Александрова

наталья
Александрова

Тототце
в коровнике

Издательство АСТ
Москва

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Ксении Щербаковой*

В оформлении серии «Следствие ведут...»
использована иллюстрация *Оксаны Мосаловой (Мошомедве)*

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга выходила под названием «Шалаш в Эдеме»

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Поющие в коровнике : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-17-097406-1 (Иронический детектив)

ISBN 978-5-17-097408-5 (Следствие ведут...)

На что готова пойти влюбленная женщина, лишь бы объект ее воздыханий не достался сопернице? Дуся Синицына поспорила, что проведет ночь в морге под видом покойника и не сбежит оттуда до утра. Не такая уж и высокая цена за то, чтобы услышать долгожданное предложение руки и сердца. Сказано — сделано. Однако когда в покойницкую ворвались бандиты и перед Дусей замаячила перспектива из поддельного трупа превратиться в самый что ни на есть настоящий, она мгновенно забыла и о женихе, и об идиотском пари, ведь теперь главное — спасти свою непутевую жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097406-1
ISBN 978-5-17-097408-5

© Н. Александрова, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2016

— **А** давайте вызовем дух Элвиса! — пропищала маленькая блондинка.

Она пристала к нашей компании где-то на полпути, и я все никак не могла запомнить, как ее зовут. А может, она и не говорила. Впрочем, не все ли равно. Только от ее писклявого голоса и вульгарной прически меня вдруг разобрала злость.

— Да пошла ты со своим Элвисом! — процедила я. — Все, хватит, надоели покойники!

Это надо же так надраться, чтобы вызывать духов!

Я никак не могла вспомнить, чья это была идея. На скатерти по кругу написали все буквы алфавита, перевернули блюдечко, взялись за руки и тупо смотрели, как это чертово блюдечко ползало по столу, выписывая какие-то слова. Все больше непечатные.

Конечно, мы все выпили довольно много, да еще и травку курили, вот и дошли до такого маразма.

— Авдотья боится покойников! — насмешливо проговорила Лиза Веселова. — Авдотья, а хочешь, я тебе расскажу про черную руку? — И она завывала: — В черном-черном городе, на черной-черной улице...

— Да пошла ты! — огрызнулась я и сбросила чертово блюдце на пол. — Никого я не боюсь... уж не покойников, во всяком случае!

Лизка меня сегодня особенно раздражала: мало того что она явно положила глаз на Димыча, прямо не отходила от него, она то и дело называла меня Авдотьей. А я и вообще-то свое имечко не выношу, а уж в такой форме меня от него просто колотит...

— На черной-черной улице, за черным-черным забором стоял черный-черный морг...

— А я один раз в морге проснулся... — сообщил Геша мечтательным тоном.

— Что?! — переспросил Димыч, повернувшись к нему. — Как это?

— Да гуляли в одной компании, и, видно, перебрал я кокса... ну, еще колесами усугубил и напрочь отрубился... а ребята, видно, решили, что я уже того — загнулся от передоза. Ну, в общем, подробностей я не знаю, короче, в морге от холода пришел я в себя. Глаза продрал, думаю: мать честная, куда это меня занесло? Огляделся, а вокруг — одни жмурики!

— Ужас какой! — пропищала безымянная блондинка, округлив глаза. — Я бы, наверное, умерла от страха! Или описалась...

— Подумаешь, — протянула я презрительно. — Что их бояться — покойников! Все неприятности только от живых...

— Ну не скажи, — рассудительно заметил Слон. — Хоть и знаешь, что ничего плохого тебе покойник не сделает, а все-таки страшно. С живыми-то всегда договориться можно...

С детства была я очень глазастой — всегда замечала многое раньше других, даже то, что замечать мне вообще не следовало, как с неудовольствием повторяла мать. Так вот, сейчас я вроде бы смотрела на Гешу, но краешком глаза отметила, что Лизка незаметно мелкими шажками придвинулась к Димычу и положила ему руку на плечо. Нет, ну какая сволочь, знает же, что

у нас с ним уже все схвачено! А тот и рад, небось уже ее за задницу щиплет!

Честно говоря, совершенно я такого от Лизки не ожидала, вроде бы всегда у нас с ней были неплохие отношения. Сколько сигарет она у меня настреляла, сколько кофе за мой счет выпила!

Ну, допустим, Димычу попала жожа под хвост и он хочет меня поддразнить: пусть, мол, девочка поревнует немножко, больше ценить будет. Но Лизка, похоже, настроена серьезно, уж я-то ее знаю. Надо мне принять меры.

Тут в комнату ввалилась Тамарка, когда она перепьет, ей сразу плохо, так она в ванной весь вечер и сидит. Хорошо, у Геши в квартире две ванны, а то хоть пропадай совсем!

Тамарка, видимо, уже пришла в себя, даже макияж сумела кое-как подправить.

— А что это вы тут обнимаетесь? — с ходу завизжала Тамарка. — Дунька, ты куда смотришь?

Вечно ей надо всюду влезть! Обожает всех стравливать друг с другом. Она рассчитывала, что мы с Лизкой раздеремся прямо здесь, учитывая все нами выпитое и выкуренное. Руки у меня, конечно, зачесались задать Лизке трепку, но тут я увидела глаза Димыча. Глаза эти, надо сказать, всегда меня привлекали. Димыч вообще парень красивый и при деньгах, а глаза у него глубокие, темно-серые, и ресницы, как у девушки, длинные. Так вот, сейчас в этих глазах не было ничего, кроме всеобщего, всепоглощающего равнодушия. Ему было скучно. Скучно с Лизкой, скучно будет наблюдать нашу драку и так же скучно будет потом со мной, если я из этой драки выйду победительницей.

Я замешкалась с ответом, и тут Лизка (чтоб ей в одну ночь облысеть и опаршиветь!) бросила ядовитую реплику:

— Дусе теперь с нами неинтересно, Дуся теперь исключительно в обществе покойников время приятно проводит!

— Нормально! — заржал Геша. — А что, Дуська, ты же их не боишься, слабо в морге ночь провести?

Рот мой уже открылся, чтобы послать их всех как можно дальше, но тут Димыч повернулся, и я заметила в его глазах искорки интереса. Он даже от Лизки отодвинулся.

— Конечно, слабо! — вступила Лизка. — Она только на словах покойников не боится!

Мне захотелось ее убить тут же, на месте, однако так легко они меня на понт не возьмут...

— Давай, Дуська, на спор? — пьяно захохотала Тамарка — и где только успела опять набраться?

— Было бы на что спорить... — медленно, с придыханием сказала я, стремясь удержать рвущуюся наружу ярость.

— А что? — оживился Димыч. — Заявляю со всей ответственностью, что если Евдокия проведет ночь в морге под видом покойника и не сбежит оттуда до утра, то возьму ее на две недели с собой на Мальдивы! Как раз собирался слетать, погреться...

На Мальдивы! Уж за две недели я сумею убедить Димыча, что я нужна ему если не в качестве жены, то хотя бы постоянной подруги. Там никто не станет мешать — море, солнце и мы вдвоем...

— А если я не выдержу? — Я посмотрела в серые глаза, опущенные длинными ресницами, и поняла, что если я сейчас откажусь, то на Мальдивы полетит Лизка. А уж потом мне с Димычем ловить будет нечего.

— Согласна! — Ярость придала мне сил. — Однако как я туда попаду? Нюхать кокс до полной отключки не стану, мне моя жизнь дорога как память!

— Эт-та мы мигом! — оживился Геша. — Эт-та мы запросто организуем!

Совершенно машинально я отметила, что он стал необычайно деловитым и озабоченным.

— Вот слушайте! — заговорил он. — Я, как человек, прошедший через эту процедуру, знаю все досконально.

— Откуда, интересно, ты все знаешь, если сам говорил, что ничего не помнишь? — капризно спросила я.

— Струсила, да? — захохотала Тамарка. — Так я и знала, что наша Дусечка только с виду такая храбрая, а сама уже трясется, как зайчик под кустиком!

— Помолчи! — неожиданно сказал Слон. — Ребята, хватит дурить! Ни к чему это все! Пошутили, и будет! Я, Дусь, на Мальдивы тебя, конечно, не повезу, но зато всей компании выпивку поставлю, где хотите!

— Да пошел ты! — заорала я. — Не лезь, куда не просят!

Нужна мне его выпивка! И сам он мне сто лет не нужен, даже если предложил бы лететь и на Мальдивы, и на Сейшелы!

— Ладненько, зайчики мои! — суетливо заговорил Геша. — Решились — так надо дело делать! Значит, если кто очочурится в домашних условиях, первое дело — врач. Нормальные люди вызывают «скорую», еще пока человек не умер, и она как раз поспеет, чтобы смерть констатировать. Мы так делать не будем, мы пойдем другим путем... — Полтиныч? — заговорил он, набрав нужный номер. — Геннадий беспокоит. Да, я. Тут такое дело... Зайди ко мне побыстрее, тут одной девчонке плохо... Да нет, не наркотики, перепила просто, в чувство привести нужно... Это сосед мой сверху, — сообщил Геша, бросив трубку. — Сейчас он спустится. Он на «Скорой» раньше работал, а его выгнали — что-то не то больному вколол по пьяному делу.

— Думаешь, он до того допился, что уж мертвое тело от живого не отличит? — с сомнением спросил Димыч, его все больше и больше увлекала наша затея.

Лизку он окончательно отодвинул, так что хоть тут-то я могла радоваться. Лизка, однако, всячески давала мне понять, что отступать не намерена, глаза ее вызывающе блестели, губы складывались в злорадную усмешку. Лизка считала, что она добилась своего и что Мальдивы, можно сказать, у нее уже в кармане.

— Спокойно! — ответил Геша. — Все учтено могучим ураганом и продумано до мелочей. Дуська, иди в спальню, наведи там макияж, как у трупешника, да понатуральнее!

Девицы встрепенулись и потянулись за мной в спальню. На Лизку я, правда, так посмотрела, что она отвяла, прошипев что-то. Тамарке не то что макияж — нос напудрить я и то не доверю, у нее обе руки левые, да еще трясутся с перепоя, может рот не на том месте нарисовать, один раз так и было, мы от смеха все рухнули.

Неожиданно помогла приبلудная блондинка, оказалось, она когда-то давно окончила курсы визажистов. Правда, ни дня не работала, но навыки какие-то получила. Она занялась мною вплотную, и через некоторое время в зеркале вырисовалось чужое страшное лицо. Кожа была тускло-серой, под глазами — темные разводы, и сами глаза казались неживыми.

— Ух ты! — восхитился всунувшийся в спальню Геша. — Возвращение живых трупов! Желтизны маленько подбавь!

— Я же не от желтухи померла! — возмутилась я. — Не хочу желтого!

— Надо бы еще синевы под глазами! — вошла в раж блондинка.

— Не переборщи! — предупредил Геша и ушел открывать дверь.

Мне велели сидеть тихо и не высовываться, остальные по команде Геша дружно и целеустремленно окучивали соседа, отзывавшегося на странное имя Полтиныч.

Еще с порога Геша полез обниматься. Как было сказано Полтинычу, никакой занемогшей девицы тут нету, те, которые в наличии, — все здоровые. Но сильно пьяные, и Полтинычу надлежит тотчас же приложить все силы, чтобы дойти до общего уровня как можно скорее.

Полтиныч упился минут за двадцать — вот что значит привычка и старые дрожжи. Из гостиной доносились шум и визг Тamarки, а в комнату протиснулся Геша с медицинской сумкой.

— Вишь, какой молодец, Полтиныч-то, — бормотал он, — дело свое знает, в сумке полный набор... лекарства, шприцы... правду говорят, что мастерство не пропьешь! А вот и бланки... — Он вытащил кучу каких-то смятых бумажек. — Значит, Синицына Евдокия... тебя как по отчеству?

— Андреевна, — буркнула я, все это мне начинало очень не нравиться.

Сами посудите, приятно констатировать собственную смерть? А ведь справка — это документ, ведь ее в морге оприходуют, подошьют куда надо, у нас ко всякому документу относятся с уважением!

Как-то мне стало нехорошо, в глубине души зашевелился тревожный червячок. Если бы я тогда послушалась своих предчувствий и нашла в себе силы послать подальше и Гешу с его бредовой идеей, и Лизку с ее подлостью, и Димыча с его скукой, то избежала бы многих опасностей. Но упрямство и злость на Лизку взяли свое, и я промолчала.

— Год рождения... — бормотал Геша, — умерла от... Тебе как лучше написать — инсульт или инфаркт? Если написать «остановка сердца», то подумают, что

от наркотиков... напишу — «сердечная недостаточность».

— А что это такое? — вяло полюбопытствовала я.

— Без понятия, — отмахнулся Геша, — но звучит солидно! Так, теперь подпись и личная печать врача... Колобков Павел Тимофеевич. — Он подышал на печать и аккуратно шлепнул ее на нужное место. — Все — покойница! С чем тебя и поздравляю! Теперь нужно Полтиныча домой доставить. Он утром проснется — ни фи́га не вспомнит, ко мне же еще и похмелиться зайдет!

Через некоторое время из прихожей раздался хохот и Гешины крики: «Раз-два, взяли!» Я снова подумала, что умнее всего сейчас будет встать, послать всех к черту и уйти из этого дурдома. Но тут же перед моим внутренним взором предстала Лизка Веселова вместе с Димычем. Они валялись на золотом песочке, а потом целовались, стоя по колена в теплой водичке, как это часто показывают в рекламе. А потом, сидя на открытой террасе ресторана, они смотрели со значением друг другу в глаза, а потом в номере, на широкой кровати... Так нет же, ни за что не отдам Димыча этой твари!

— Ну что, вызвал машину из морга? — спросила я появившегося Гешу.

— Погоди, еще менты должны приехать!

— Эти еще зачем? — удивилась я. — У нас же вроде криминала никакого нету!

— Порядок такой, — строго ответил Геша, — вот они и удостоверят, что ты сама по себе окочурилась, никто тебе не помогал! Так что, соберитесь, мадам, ваш выход! Ляг и заостеней, вообрази, что ты — дерево. Или камень, или куча дерьма у дороги.

— Сам ты куча дерьма! — Злость придала мне сил.

Димыч пришел на меня полюбоваться, Лизки при нем не было. Тamarки тоже что-то не было видно,

наверное, опять у нее отходняк в ванной. Мелькнуло, как всегда невозмутимое, лицо Слона, ему и кличку такую прилепили за то, что он вечно спокоен, никогда не орет, не дергается. На рожон не лезет, одеяло на себя не перетягивает, сидит себе в уголке, молчит и улыбается. «Может, он дурак?» — в который раз я задала себе этот вопрос, но тут же отогнала эту мысль, как несвоевременную.

— Менты приехали! — ворвался в комнату Геша. — Значит, всем сделать скорбные морды, девки могут плакать!

— С чего это мне плакать? — завелась Лизка. — С какого такого горя?

— Заткнись! — рявкнул Димыч. — Все дело испортишь!

И как-то было непонятно: радоваться мне или нет, услышав такое, потому что, с одной стороны, Лизке вроде бы дали от ворот поворот, а с другой — по всему выходит, что Димычу просто интересно, чем обернется наша дикая затея.

Тут в дверь позвонили.

Геша посмотрел на меня оценивающим взглядом, подмигнул и пошел открывать. Я крепко закрыла глаза и застыла, как в детской игре «замри — отомри». Через минуту входная дверь скрипнула, послышались тяжелые шаги.

— Ну, что тут у вас? — проговорил гнусавый немолодой голос. — Доигрались, да?

— Вас, извините, как по имени-отчеству зовут? — осведомился Геша.

— Нас, извините, Василием Ивановичем, — отозвался гнусавый.

— О, прямо как Чапаева! Так вот, Василий Иванович, давайте без воспитательной работы обойдемся! Врач был, констатировал смерть от сердечной недостаточности, сказал — бывает!

— Бывает! — заворчал гнусавый. — У молодых вообще сердца не бывает! С чего это ей... от сердца-то...

Я незаметно приоткрыла один глаз и взглянула на пришельца.

Это был плотный сутулый дядька в милицейской форме, с кирпичной физиономией — то ли от работы на свежем воздухе, то ли от приверженности к крепким напиткам.

— Тебя как звать? — прогнусавил Василий Иванович.

— Меня вот, например, Петька, — сообщил Геша под восторженное хихиканье маленькой блондинки, — а ее — Анка... она у нас, понимаете, пулеметчица...

— Так вот, Петя, — поучительным тоном проговорил гнусавый, — у меня сын такой, как ты, и если бы он...

— Василий Иванович! — перебил его Геша. — Я же вас просил — без воспитательной работы! У нас уже врач был, свидетельство о смерти по всем правилам оформлено...

Разговор пошел по второму кругу.

— Это еще разобраться надо, какой такой врач и как он все оформил! Иногда такие артисты попадаются...

— Это вы, само собой, разберетесь... а как насчет того, чтобы помянуть покойницу?

— Да мне не положено... — засмутился Василий Иванович. — Я ведь на работе...

— Ну и что, если на работе? Это не по-христиански выходит! Вы ведь русский человек?

— Само собой!

— Тогда непременно должны помянуть!

— Ну, ежели так... маленько... чисто для порядку...

— Само собой!

Раздалось громкое бульканье, я снова приоткрыла глаз и увидела, как милиционер лихо опрокинул стакан дорогого виски, крикнул и занюхал рукавом.

— А теперь, может, вы хотите на покойницу взглянуть? — не унимался Геша. — Поближе, так сказать, познакомиться?

— Не взглянуть, — строго поправил его милиционер. — Не взглянуть, а произвести визуальный осмотр! И это не мое, к примеру, личное хотение, а по закону так положено!

Он встал и направился ко мне.

Паркет поскрипывал под его тяжелыми уверенными шагами.

Я замерла и даже перестала дышать.

Милиционер вместе с Гешей подошел и остановился надо мной, тяжело сопя. И можете себе представить, что в этот миг у меня жутко зачесалось в носу. Ну, просто как назло!

— Молоденькая какая! — вздохнул Василий Иванович. — Что ж вы, ироды, делаете?

— Смерть, Василий Иванович, она не разбирает! Она приходит внезапно... так сказать, нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь! — проговорил Геша и понизил голос: — А вот я вам могу посильную материальную помощь оказать. На воспитание сына. Или на другие хозяйственные надобности. Пока мы тут с вами... один на один, без свидетелей. Она, я думаю, не в счет...

Послышался звук, который ни с чем нельзя перепутать, — шуршание купюр.

Милиционер крякнул, вздохнул и произнес задумчиво:

— Ну, ежели у вас врач уже был и бумаги как надо оформлены...

— Оформлены, Василий Иванович, непременно оформлены! Вот ведь они, бумаги эти!